

— Виктор Сергеевич, что вас волнует в наше сложное, причудливое нас ежедневно волнует время?

— Меня волнует такая масса проблем, что не знаешь, с какой начать. Начнем с экономики: мне совершенно непонятно, как за такие долгие годы (вот уж скоро столетие пройдет!) мы никак не можем ее наладить? Все время у нас чего-то нет, все время люди бьются, как рыба об лед, в поисках чего-то... Хотя это «что-то» нередко — вещи первой необходимости. Мне, грешнику, причины этого неясны.

— Ну а наши докторальные публицисты, увенчанные степенями экономисты — разве они не помогают вам?

— Как и все, я погружен сейчас в чтение журналов и газет в поисках ответа на свой вопрос. Но выхода не вижу. Дело доходит до самого простого: у нас стали выпекать хлеб из... старого хлеба: вроде ешь свежий, а в нем попадаются куски хлеба первичного производства...

Однажды мне достали кусок очень хорошей колбасы, особой, которая изготавливается в спеццехе. Я нарочно дал нашей кошке — вот той, что сейчас скребется в дверь. И она — съела! Это меня поразило, ведь прежде к обычной, купленной в магазине колбасе она не притрагивалась...

Вот вам первая проблема: наладить снабжение населения продуктами питания — свободное, широкое и желательно недорогое, а также одеждой, обувью и прочим, что называется, ширпотребом (но не тем, который нельзя носить!). Как этого достичь, я не знаю. Но стремиться к достижению этой цели необходимо...

Бываю на заводах, вижу, какие старые станки, какой все еще примитивный способ производства царит. Например, в Балахне на бумагоделательной фабрике, где был с группой писателей несколько лет назад, стоят машины для выпуска газетной бумаги, купленные в Германии... в 1929 году. Выпуск такой толстой бумаги, говорил нам главный инженер, — настоящее губительство лесов. А на фабрике производится чуть ли не половина всей бумаги для газет в стране!

Куда ни ткни пальцем, везде нехорошо. Я не могу судить, хорошо ли обстоят дела у нас в военной области, но поскольку во всех сферах нашего бытия нелады или просто плохо, думаю, что и в военном деле не все гладко. Достаточно вспомнить о дедовщине, существующей в армии...

У нас что-то произошло с деньгами. Или их напечатали столько много, что не успевают произвести соответствующее количество товаров?.. Мне кажется, что для того, чтобы люди поверили в перестройку, нужно как можно быстрее (не с годами, а в течение года самое большое!) завалить товарами и продуктами прилавки магазинов, ларьки во всех городах страны. Где взять деньги? Может быть, стоит сильно сократить производство разных ракет, проведение взрывов... На кой черт летит куда-то во Вселенную эта гигантская штука... «Фобос», кажется? А за ней — еще одна! Ведь стоят-то они, наверно, миллиарды рублей.

Мне кажется, стоит пошевелить наш золотой запас — сильно пошевелить, чтобы закупить товары, оборудование новейшую технологию, вложить в науку — не в халтурную науку, а в настоящую. Я не верю, что среди нашего великого народа нет таких умов, которые не могли бы двинуть науку и технику на самый передний край — на японский уровень, например! Мы гордимся маленьким международным займом. Но сидеть на голод-

ном пайке и гордиться этим — негоже. Для улучшения жизни людей надо сделать заем. Нам поверят, у нас гигантские возможности! Короче, надо сделать то, что сделал нэп, сделал Ленин буквально на моих глазах: я — из очень бедной семьи, но после голода 21-го и 22-го годов наступил 23-й, и мы во воскресенья имели в доме пироги. Это было чудом, и я это чудо видел. Понимаю разницу современной кооперации и индивидуально-трудовой деятельности — и того нэпа. Тот нэп было организовать легче: езжай в

свои какие-то внутренние потребности. Человек живет эмоциями. Разумом он только корректирует свое поведение. Но не может же он корректировать с утра до вечера?! Это же мучение! Этого не бывает! Человек так не устроен. В свое время я развивал такую теорию: буржуазное общество потому преуспевает, что оно опирается на эмоции, на удовлетворение потребностей человека. Желание человека что-то иметь, получить, удовлетворить свои чувства — естественное желание. А сознательным он может быть в не-

— «Степью лазурною, цепью жемчужною...»

— Да-да. Потом это обалачко начинает собираться. Потом небо покрывается черным, туча накрывает землю, и идет дождь. Ну хорошо, если простой дождь. А если все наши выбросы в атмосферу начнут между собой сговариваться — и в один момент разом покроют Землю. Все вымрет. Скажете, невозможно такое? Вот такая гербертуэллсовская фантазия...

— Апокалипсическая фантазия, скажу я вам.

— Мне много лет, каза-

АВТОГРАФ

ет, рождаемость падает. Нация вымирает по причинам: не хочу ребенка, хочу диссертацию! Квартирные условия ужасные. Детской комнаты нет, как и внимания родителей к детям. Общество, даже когда оно будет насыщено всеми благами, — без семьи, без дома — кошмар! Общача какая-то, вроде сна Веры Павловны: все сидят в бетонном здании и на швейных машинках накручивают...

Меня очень тревожит то, что люди не хотят иметь детей. Я не понимаю, что случилось? Ведь самый главный инстинкт у человека — инстинкт самосохранения. И выражается он в продолжении своей жизни после смерти в потомках. Ты продолжаешь жить! И сейчас этот инстинкт пропал?! Это для меня загадка.

Теперь о... начальниках. Здесь у меня тоже есть одно недавно возникшее соображение: наши начальники — самые большие и пониже — сидят не на стульях, а на табуретках, у которых нет спинок.

— ???

— Что это означает? Скажем, у западных сенаторов, начальников есть обеспеченность есть возможность работать по специальности и хорошо получать, есть какая-то материальная независимость в случае, если они уйдут со своих кресел. Вон Гарольд Вильсон, премьер-министр Великобритании, мог позволить себе сказать: «Надоело быть премьер-министром, я пошел домой». У наших же начальников за спиной нет никакой поддержки, никакой спинки, что ли. Их могут выгнать и не положить даже большой пенсии, отнять машину, дачу. Поэтому и психология у них: удержаться на своем месте.

— На своей табуретке...

— Вот я и думаю: как бы нам сделать наших чиновников — и крупных, и средних — независимыми?

— Похвальная забота о начальстве, которое сейчас стало модным критиковать.

— Сказать по правде, не такие уж большие блага у наших больших начальников — если сравнивать с примерами в развитых странах. У нас, конечно, все выглядит мизерным. У нас если человек имеет машину, он уже богатый. В Америке же я подъехал к одному университету, перед ним — стоянка машин. — На сколько рассчитана стоянка? — спрашиваю. — По количеству студентов! (А студентов — тысяч сорок).

— И что же вы придумали для бедных начальников?

— Давайте вместе думать, что нужно сделать, чтобы они стали смелее, самостоятельнее, перестали бояться потерять материальные блага. Это очень важно!

Теперь перейдем к национальному вопросу, который не может сейчас никого оставлять равнодушным. Я этого вопроса не знал вплоть до происшедших в последнее время событий. Ведь я рос в те годы, когда слово «интернационализм» еще было свежим, носило в себе смысл. Я не знал — до последнего времени — ни одного мракобеса. Мать моей жены, живущая с нами, — ей 97-й год — видела еврейские погромы и говорит, что страшнее ничего на свете не знала (хотя с мужем всю гражданскую войну прошла). Я этого не видел. Вообще, для меня всякая национальная рознь — явление не просто плохое, а ужасное, нечеловеческое. Я за сохранение культуры! Картина мира в национальном плане похожа

(Окончание на 10-й стр.)

ЗАГАДКИ И ТЕОРИИ

Меня усадили в кресло за рабочим столом. Хозяин расположился напротив. Так я побыл два часа в кресле драматурга — не просто драматурга, а известного советского писателя, автора ставших классикой пьес (помните «Вечно живые» и снятый по ним фильм «Летят журавли»?) Виктора Сергеевича Розова. Не скажу, что мне открылись тайны в жизни сотворителя театрального действия, заставляющего нас плакать, думать, копаться в самих себе. Но какая-то завеса над жизнью и работой Мастера на мгновение приоткрылась. Причина? Может быть, предельная искренность драматурга. А может быть, то самое волшебное кресло?

ВИКТОРА РОЗОВА

деревню и договаривайся обо всем с производителем на месте. А сейчас наш бедный частник (как мы его называем) имеет дело с государством в лице чиновника. А чиновнику неинтересно заниматься делом, от которого он не имеет прибыли. Как-то выступал по ТВ, зашел разговор об обмене квартирами: мол, маклеры дорого берут. Я сказал: «Вы бы поручили это дело своим чиновникам из аппарата, которые все обо всем знают. Платите ему лично за каждый обмен тысячу рублей. Даже без вычетов. Пятьсот — с одной стороны, пятьсот — с другой. Если люди слишком уж бедные — дайте им рассрочку: по пять рублей в месяц. Заинтересуйте аппарат, приобщите его к работе...». Вырезали...

— Мы все видим, что метод хозяйствования прежних лет показал себя негодным. Как это сказалось, на ваш взгляд, на обществе?

— Следствием этого стало сильное раздражение в обществе, его разобщение, появление обмана, мелкого и крупного воровства, всякого мухляжства... Все это — от недостаточности, невозможности достать, приобрести. И я не знаю, как следует судить людей, которые для того, чтобы достать что-то необходимое для себя, для детей, идут на всякие уловки. Не могут же все быть стойкими, и нельзя рассчитывать только на так называемую сознательность. Сознание — это вторичное от эмоций, которые по-настоящему заведуют нами. В какой-то статье я вычитал слова Маркса о том, что ничто не делается без того, чтобы не удовлетворить

которые моменты, когда может сдерживать свои эмоции. У нас же считается, что можно быть сознательным с утра до вечера...

Я так не могу. Наша опора на сознательность — глубокая биологическая ошибка. Это не материализм, не марксизм, это — чистый идеализм! Эмоции входят в противоречие с сознанием, появляются все те же обман, мухляж, всякое приспособление, человек раздваивается... В нашем обществе выработался тип приспособляющегося человека. Е. Евтушенко употребил термин «притерпимость» применительно к нашему обществу. А я бы добавил: «приспособленчество». Нужда научит...

Теперь вот о чем: я иногда начинаю думать, зачем человечество производит так много ненужного, почему у него нет самоограничения? Маховик воспроизводства может сожрать Землю. Мы уже почти ее сжираем: все газеты полны озоновых дыр, черных дыр, каких-то водорослей, бактерий... Мы сжираем всю биосферу, всю Землю. Современная техника не только облегчает, но и усложняет жизнь человека. Для меня это темный вопрос... Вообще-то у меня есть такая теория: человечество погибнет от ученых, а не от военных. Я начал говорить об этом давным-давно, надо мной посмеивались. Сейчас посмеиваться перестали. Вот вам моя ненаучная гипотеза: представьте безоблачное небо, на нем появляется маленькое облачко. Мы говорим: «Ах, какое облачко!.. Тучки небесные, вечные странники...».

Видите, как много всего, что меня тревожит. Теперь возьмем тему семьи. Мне нравится пословица «Мой дом — моя крепость». В самом деле, ты приходишь домой после работы, полон забот, полон неприязнотой на работе, каких-то стычек, битв, — переступаешь порог и весь груз дня — деловой, умственный, нервный — как бы вешаешь вместе с пальто на вешалку. Тебя встречают жена, дети — и ты переходяшь в иную сферу существования, в которой все так называемые стрессы (эти модные слова!), все напряжение снимается улыбкой ребенка, лаской жены, каким-то хорошим супом, который тебе дадут... И ты восстанавливаешь себя для будущего трудового (!) дня. Таким мне видится дом; дом, где тебе обязательно должно быть хорошо! Звучит несколько идеалистически.

У нас же считается, что надо с утра до ночи находиться на работе. А наш дом тем временем разваливается: муж работает, жена работа-

(Окончание.
Начало на 3-й стр.)

на луг, покрытый различными цветами. Когда одно растение начинает вытеснять другое, луг становится однообразным. И вот в последнее время я увидел произрастание чудовищных сорняков, чертополохов национализма, бурьяна, сорной травы, которые душат культурные растения...

Я не вижу ничего плохого в существовании славянофильства. Что может быть лучше любви к своей родине: русскому — к России, эстонца — к Эстонии, армянина — к Армении?.. Но когда это противопоставляется другому народу, начинается беда. Русофилы прошлого века были интеллигентными людьми. Современный же русский шовинизм (я чувствую это по некоторым статьям и выступлениям) агрессивен, злобен. Я тоже влюблен в Россию, но зачем быть злобным?

— Добро должно быть с кулаками, — написал когда-то С. Куняев «с подачи», впрочем, еврея М. Светлова. Я понимаю вас: недавно, весной, на выставке проектов памятника Победы на Поклонной горе в Манеже сам столкнулся с такой агрессивностью. Несколько молодых людей в косоворотках с обязательным Георгием Победоносцем на перхотных лацканах пиджаков занимались промыванием мозгов публике, агитировали за проект: восстановить храм Христа Спасителя со службой. Идея не без привлекательности. Только я заинтересовался у них: на каком языке и какая служба будет вестись? — Православная, на русском, — услышал в ответ. — Тогда, — предложил я, опытный ветеран гласности и плюрализма, — надо сделать пристройки к храму: вот здесь минарет, здесь — синагога, а здесь пристроить баптистский молебный дом и костел... Чтобы каждый мог отправлять свой культ. Ведь в войне победил многонациональный народ!.. Признаюсь, сплასкал бездумно, пытаюсь соблазнить собственное достоинство. Мои упования на плюрализм оказались неосновательными.

— Я уже говорил, что надо дать всем высказаться! Пусть, например, «Литгазета» отдаст целый номер «Памяти» — для изложения программы. Нельзя быть в неведении.

Недавно читаю в выступлении замечательного писателя В. Распутина (я так обрадовался появлению его «Живы и помни») о том, что Лев Толстой был неправ, когда говорил, что патриотизм это рабство. Вот вам и разница между интеллигенцией прошлого века — и нынешней. Лев Толстой сумел подняться на вершину человеческого духа, над всеми человеческими условностями, разъединяющими людей. А В. Распутин подняться не смог.

Теперь я выскажу мысль совсем крамольную: когда на пленуме Союза писателей я слушал призывы писателей Белоруссии, Украины бороться за сохранение национального языка, у меня было ощущение... что они выступают, увы, не только за сохранение родного языка, но и потому, что их книги, написанные на родном языке, мало покупают. Русскоязычные издания вытеснили их произведения из поля зрения читателей. Вот такую материалистическую пружину я усмотрел в выступлениях.

Почему велик русский язык? Он велик своим поразительным свойством, кото-

рым обладают некоторые другие языки: впитывать в себя. Он — живой! Каких только слов в нем нет! И тюркские, и татарские, и английские, и немецкие. Русский язык в основе своей интернационален. Он не имеет границ и законов. Он может переделывать слово на свой лад или точно его скалькировать — это замечательное свойство нашего языка. Не понимаю писателей, выступающих против коверкания русского языка. Он не коверкается, он — живет. Живет — значит питается. А его хотят сделать мертвым, канонизировать, ограничить словарем...

— Виктор Сергеевич, найдут ли эти проблемы место в ваших пьесах или они покамест в стадии осмысления?

— У меня сейчас на столе лежит пьеса. Глупая пьеса, как я ее называю, фарс. Не буду раскрывать ее сюжета, главное в ней: человек, одержимый эмоцией, прикрывает ее самыми передовыми словами, самыми социальными! А пружина действия — то у него — личная, хотя и прикрываема она якобы заботой об обществе. Хотелось бы показать весь этот механизм...

— Действие относится к конкретному времени?

— Герой мой живет в наши дни.

Вторая пьеса, которая лежит на столе, серьезная. Дай бог, мне ее написать хорошо. Это трагедия нашего времени — Афганистан. Два парня вернулись из Афганистана. Один полюбил кровь и насилие, другой возненавидел это навеки. Я хочу в этой пьесе назвать все вещи своими именами. Пройдет ли она в наше почтисеразрешаемое время («почти», но не все!) — не знаю. Я сам воевал на прошлой войне, был тяжело ранен, два-три года ходил на костылях. В 1943 году в Костроме, сидя на костылях, написал пьесу «Вечно живые», в которой были такие слова: «Война калечит не только физически: она разрушает внутренний мир человека, и, может быть, это одно из самых страшных ее действий». Мне так хочется, чтобы у ребят, пришедших из Афганистана, не были обгорелыми души, чтобы они не чувствовали себя опаленными войной. Мой герой в пьесе не только опален войной, но и в чем-то очищен ею духовно.

— У вас есть претензии к издательскому хозяйству?

— Меня все устраивает! Потому что нас, драматургов, издают очень редко, почти совсем не издают. Меня все устраивает, потому что ничего нет.

— А если этот вопрос применить к писательскому хозяйству?

— Считаю, что создание Союза писателей было актом Сталина — очень мудрым (с точки зрения злодея) и очень хитрым: он взял и уничтожил сразу все направления, которые естественно существовали в нашей литературе, объединил их в одно и дал одну программу поведения. Сделал, так сказать,

писательскую казарму, в которой команды «вольно» чуть побольше, чем в простой казарме.

Но мне СП никогда не мешал. Почему? Я пишу не для Союза писателей или Министерства культуры — я пишу для себя, фантазирую, потом отдаю...

— А потом все, что вы «нафантазировали», обсуждается и в СП, и в министерстве... Как получилось с «Кабанчиком», например.

— Когда в начале 80-х ругали «Кабанчика», я отнесся к этому несерьезно: знал, что было поручение одного высокостоящего человека — обсудить и даже дано указание, как обсудить. Так что, я знал, что обсуждают не по злобе, а по приказу. Впрочем, и «Гнездо глухаря» снимали...

— А теперь пускают по ТВ в воскресные дни...

— Это все условия игры, условия существования. Я всегда говорил своим студентам: «Не жаловаться!».

СП должен напоминать клуб. Когда-то в объединении драматургов была хорошая традиция — мы читали друг другу пьесы: Погодин, Арбузов, Штейн... Потом об этих пьесах стали доносить в инстанции с эпитетом «порочные». И пьесы рубили на корню. Сейчас такие чтения прекратились. А было хорошее время.

— Что вы больше любите — когда читатель вас читает или смотрит?

— Я очень люблю зрительный зал, его дыхание. Для меня это дыхание лучше французских духов. Помню, делал пьесу по Достоевскому «Брат Алеша» в театре на Малой Бронной...

— Ее поставил А. Эфрос?

— Да... Какая гребовая тишина была в зале! Это такая радость! Не так дорог смех, аплодисменты, как это внимание, эта тишина.

— Какой нравственной проблемой вы сейчас обеспокоены?

— При всех недостатках нашей жизни я бы обратился к людям: пожалуйста, не раздражайтесь, не будьте агрессивными. Здесь у меня есть еще одна теория, что величина созидания и разрушения в мире одинакова, постоянна. В отсутствие войны многие разрушения рассредоточиваются по всем людям...

— Какой вопрос драматург Виктор Розов задал бы драматургу Виктору Розову и как бы он на этот вопрос ответил?

— О чем и как надо сейчас писать? А ответ: знаю, что надо совсем по-новому, потому что старый стиль изжил себя. Но жду этого не от себя, а от других — от молодых писателей, которые вдруг появятся.

Автограф брал
Александр ЩУПЛОВ.

Редакция «Книжного обозрения» от имени читателей газеты поздравляет Виктора Сергеевича Розова с 75-летием и желает большого здоровья, новых пьес и долгих лет жизни.

Зитателна «Книжно» обозрение.

- 1) Ужест аичаит хуронистаини
- 2) Мидеуруу ст кехудонсеитини
- 3) Мидеуруу (мидеуруу) из хуронистаини
- 4) Мидеуруу, а не знае.
- 5) Не требнае от писателя тто, тто
- 6) Не требнае.

1988. дуче

Р. Розов